

Номер четыре, Тисовая улица. Первые недели лета, когда воздух пахнет обещаниями приключений, а солнце щедро делится своими лучами, обычно проходили для Гарри Поттера как-то сами по себе. Но это лето было другим. Оно было омрачено тенью недавней трагедии в Отделе тайн, где погиб его крестный отец, Сириус Блэк. Открытие Дамблдора о пророчестве, которое сделало Гарри мишенью для Волан-де-Морта, добавило горечи в его душу. Он был разбит, запутался в лабиринте боли и страха. Вернувшись к Дурслям, Гарри был вынужден жить в клетке из тишины и одиночества. Дядя Вернон, одержимый ненавистью к мальчику, превратил его дом в тюрьму. Гарри был изолирован от мира, единственным спасением от тоски становились письма от Ордена Феникса. Но и они стали предметом манипуляций со стороны Дурслей, которые контролировали каждое слово, отправляемое в Орден. В течении первого месяца лета Гарри существовал в состоянии оцепенения. Он был словно призрак, бродящий по дому, где его не ждала ни любовь, ни сострадание. Боль утраты крестного отца не отступала, а чувство вины, которое преследовало его, казалось, угнетало с каждой минутой. В начале июля Дурсли стали "забывать" о его существовании, даже не принося ему еду. Гарри был вынужден прятать крохи от тех редких дней, когда его "вспоминали", чтобы выжить. Его жизнь напоминала борьбу за выживание, где каждый день становился испытанием на прочность. Однажды, в очередной раз напомнив дяде Вернону о своей нужде в еде, Гарри получил удар в живот и порцию оскорблений. Следующим утром он обнаружил, что дверь в его комнату заперта на ключ. Так продолжалось целый день, пока дядя не выпустил его в туалет. Десять часов без возможности воспользоваться туалетом стали настоящим испытанием. Гарри, отчаянно ищущий выход, использовал мусорное ведро в своей комнате. Дурсли, естественно, были недовольны, но их протесты не остановили Гарри. Он вынес ведро в сад, сбросив его содержимое на клумбу. — Они не хотят, чтобы я таскал это в ванную, девочка. Никогда не говори, что я не против тети и дяди", — пробормотал Гарри Букле, своей сове, запертой в клетке. Ночью, не в силах терпеть больше, Гарри, охваченный гневом, выбросил ведро в окно. Запах, распространившийся по всей улице, дошел до Тонкс, которая в ту же ночь, в шоке, вернулась в штаб Ордена. Она разбудила Ремуса Люпина и рассказала ему о том, что видела. — Я видела его, — сказала она, — он... он... — Что ты видела, Тонкс? — перебил Ремус, обеспокоенный ее состоянием. — Гарри... он выбросил мусорное ведро в окно... — прошептала Тонкс. Ремус, растерянный и обеспокоенный, пообещал Тонкс связаться с Дамблдором утром. На следующее утро Гарри проснулся от звука открывающегося замка на двери. Он был зажат в своей комнате, словно в клетке, без права голоса. Дверь распахнулась, и в комнату вошел Дамблдор, его глаза излучали тепло и заботу. — Что вам нужно? — спросил Гарри холодно, его голос был полон боли и усталости. — Я пришел провести тебя, Гарри, — ответил Дамблдор, с беспокойством глядя на синяки на ребрах и руках юноши. — Уже поздновато для этого, не так ли? С чего вдруг такое беспокойство? — спросил Гарри, его голос был полон сарказма. — Мисс Тонкс видела вас прошлой ночью, — сказал Дамблдор, кивнув в сторону окна. — И хотя это, конечно, объясняет запах, у меня возникли вопросы. — Например? — спросил Гарри, его глаза сузились. — Например, почему вы почувствовали необходимость облегчиться таким образом? — спросил Дамблдор, его голос был спокоен, но в глазах читалось беспокойство. — Мне разрешено выходить из своей комнаты только два раза в день, чтобы воспользоваться туалетом. И прежде чем ты спросишь, нет, я не знаю почему. Это тебе придется спросить у моей вечно любящей тети, — ответил Гарри, его голос был полон горечи.